

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2026-23-75-91>

УДК 314.8 (470+571–17)

Оригинальная исследовательская статья. Original Research Article

JEL J11

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В СИСТЕМЕ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

© В. В. Фаузер^{а*}, А. В. Смирнов^а, Г. Н. Фаузер^а^а *Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Российская Федерация*^{*} *Корреспондирующий автор, fauзер.viktor@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается система расселения сельского населения северных регионов России. Отмечается, что ее сохранение и развитие определяется природно-климатическими факторами и потребностями обороноспособности страны. Обзор научной литературы показал, что нельзя удерживать ничейную территорию, любая окраинная территория должна быть заселена и иметь активного хозяина, а сокращение сельских поселений ведет к сжатию пространства, его обезлюдиванию. Анализируется динамика сельского населения за период 1939–2024 гг., отмечается, что каждый субъект имел пик своей численности, но итогом у всех стало сокращение численности населения. На муниципальном уровне рассмотрена динамика численности сельского населения в межпереписной период 2010–2021 гг. В 69,0 % северных муниципальных образований сельское население сократилось, а в 26,9 % – более чем на четверть. С 1970 по 2021 гг. в целом число сельских населенных пунктов имело тенденцию к снижению, однако в 2000 гг. по России в целом и в большинстве северных субъектов произошло увеличение числа сельских населенных пунктов, объяснить этот факт можно тем, что ряд неперспективных поселков городского типа были переведены в сельские поселения. Обращается внимание на такой феномен, как увеличение на российском Севере «сельских населенных пунктов без населения» и, в первую очередь, на Европейском Севере, отчасти это объясняется пробелами в законодательстве – правом собственности на землю. Средняя людность сельских населенных пунктов по стране в целом и на Азиатском Севере постоянно росла, а на Европейском Севере имела тенденцию к сокращению. В структуре сельских населенных пунктов наблюдалась поляризация, на фоне общего сокращения произошло увеличение поселков с числом жителей до 5 и свыше 5000 человек, одновременно наблюдается концентрация населения в крупных населенных пунктах. В заключение делается вывод о необходимости разработки программы по сохранению сельских населенных пунктов на российском Севере.

Ключевые слова: российский Север, расселение, сельские поселения, население, средняя людность сельских населенных пунктов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00482, <https://rscf.ru/project/25-28-00482/>.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Использование ИИ. При написании статьи ИИ не использовался.

Для цитирования: Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Современные тренды в системе сельского расселения северных территорий (2026). *Экономическая наука сегодня*. № 1 (23). С. 75–91. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2026-23-75-91>

CONTEMPORARY TRENDS IN THE RURAL SETTLEMENT SYSTEM OF THE NORTHERN TERRITORIES

© V. V. Fauzer^{а*}, A. V. Smirnov^а, G. N. Fauzer^а^а *Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS”, Syktывkar, Russian Federation*^{*} *Corresponding author, fauзер.viktor@yandex.ru*

Abstract. This article examines the rural population distribution system in Russia's northern regions, noting that its preservation and development are determined by natural and climatic factors and the needs of the country's defense capability. A review of scientific literature has shown that no-man's-land cannot be held; any marginal territory must be populated and have an active owner, and the decline of rural settlements leads to space compression and depopulation. Rural population dynamics are analyzed for the period 1939–2024, noting that each region experienced a peak in population, but ultimately, all experienced a decline. At the municipal level, rural population dynamics are examined during the 2010–2021 intercensal period. In 69.0 % of northern municipalities, the rural population decreased, and in 26.9 %, it decreased by more than a quarter. From 1970 to 2021, the overall number of rural settlements tended to decline. However, in the 2000s, the number of rural settlements increased across Russia as a whole and in most northern regions. This can be explained by the reclassification of a number of unviable urban-type settlements as rural settlements. The article highlights the phenomenon of an increase in "uninhabited rural settlements" in the Russian North, particularly in the European North. This is partly due to gaps in land ownership legislation. The average population of rural settlements in the country as a whole and in the Asian North has steadily increased, while in the European North it has tended to decline. Polarization was observed in the structure of rural settlements: against a backdrop of overall decline, there was an increase in settlements with populations of up to 5,000 and over 5,000, while a concentration of population was observed in large settlements. The article concludes by emphasizing the need to develop a program to preserve rural settlements in the Russian North.

Keywords: Russian North, settlement, rural settlements, population, average population of rural settlements.

Acknowledgments. This research was supported by Russian Science Foundation grant No. 25-28-00482, <https://rscf.ru/project/25-28-00482/>.

Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Use of AI declaration. No AI was used in writing this article.

For citation: Fauzer V. V., Smirnov A. V., Fauzer G. N. (2026). Contemporary trends in the rural settlement system of the northern territories. *Economic science today*. 1(23), 75–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2026-23-75-91>

Введение. Сельское расселение – древняя форма расселения. Сельские поселения (деревни, села) как форма оседлого образа жизни возникли с переходом людей к земледелию и скотоводству (неолитическая революция). На Руси деревни закрепились как основная форма сельских поселений к XVII–XVIII вв., развиваясь в условиях натурального хозяйства и укрупняясь к XVI в. Первые оседлые поселения возникали вблизи рек, озер и плодородных земель. Сельские поселения часто называли деревнями, они состояли из нескольких дворов, происходило активное хозяйственное освоение земель. К началу XIX в. деревни стали основной формой поселений, в них активно развивались промыслы и торговля.

На обширных просторах Российской империи система сельского расселения имела свои особенности. На таежном севере формировались более крупные села, сеть их разрежена и привязана к речным долинам; в степной зоне с лучшими почвенно-климатическими условиями и обширными полями располагаются самые крупные населенные пункты, но сеть их не так густа; такие же крупные села при значительно более густой их сети типичны для плотнозаселенных предгорных районов Северного Кавказа; восточные регионы таежной зоны заселены очень слабо, пункты максимально удалены друг от друга, но исторически были крупными или средними, так как концентрация населения способствовала выживанию (Зубаревич, 2013. С. 28).

Густота сельских поселений и их людность определялись в большинстве случаев природно-климатическими факторами, иногда – интересами обороноспособности страны. В одной из своих работ мы описали историю формирования расселенческой сети «российской Арктики: от острогов к городским агломерациям» (Фаузер, Смирнов, 2018). Не касаясь истории вопроса, остановимся на трансформации сельского расселения в XX–XXI вв.

Для российского Севера и Арктики система расселения имеет приоритетное значение: «Для страны с такой громадной слабозаселенной территорией, обладающей колоссальными природными ресурсами, большое значение имеет, как бы важным это ни было, даже не динамика населения, а его расселение. Поэтому России следует <...> направить усилия и средства на повышение уровня заселенности территории и благоустройства разбросанных по бескрайним просторам населенных пунктов» (Рыбаковский, 2015. С. 18–19).

На совещании по развитию ЗАТО в Мурманске Президент РФ В. Путин отметил, что когда речь заходит о численности населения в северных поселениях, «только численность населения в данном случае – не главное. Мы должны иметь в виду, что даже небольшие населенные пункты, небольшие поселки могут иметь для страны стратегическое значение»¹.

Как видим, вырисовываются две глобальные проблемы: сохранение числа поселений, даже небольших, и сохранение численности населения проживающих в малых или небольших поселениях.

В качестве объекта исследования выступает система сельского расселения на российском Севере. Предметом исследования станет динамика сельского населения и его распределение по сельским поселениям разной людности.

Обзор литературы. Система расселения – из научных проблем в теоретическом плане является наиболее изученной как отечественными учеными, так и зарубежными коллегами. Изучение системы расселения важно и с точки зрения ее связи с демографическими процессами. Одной из первых классических работ по расселению на Севере можно считать коллективную монографию «Прогнозы расселения и планировки новых городов Крайнего Севера». В качестве главной проблемы авторы отметили «разработку концепции градостроительного освоения Крайнего Севера». Ставка делается «на строительство городов с постоянным населением», в отличие зарубежной практики, где в основу общей политики освоения Севера положены методы колонизации с созданием сугубо временных поселений». Предлагается при разработке систем расселения комплексно исследовать экономико-географические, природно-климатические, медико-географические, социологические, транспортные и другие аспекты проблемы». Авторы предлагают при «освещении вопросов расселения пользоваться такими понятиями, как структура, форма, тип и вид расселения» (Панов и др., 1973. С. 19–20).

В начальный период освоения Севера шли дискуссии, что строить – один город или сеть небольших поселений со слабым обслуживанием и недостаточным благоустройством. Возобладала точка зрения, что лучше строить города с полным набором социально-бытовых услуг. Вопросы сельского расселения практически не исследовались. Интерес к нему проявился в 1990-е гг.

Для Севера и Арктики проблема заселенности является первостепенной. Так, А. В. Топилин (2013. С. 55) отмечает, что «низкая плотность и безлюдность северных территорий ослабляет пограничные территории в экономическом и политическом планах, создает предпосылки для демографической экспансии сопредельных государств».

При слабой заселенности приграничных территорий, их «обезлюживании», необходимо помнить известное латинское выражение «terra nullius» – «ничья земля», а незаселенные территории являются притягательными для сопредельных государств, испытывающих нехватку свободных земель. Тему слабой заселенности и отсутствия населенных пунктов рассматривает О. А. Козлова с коллегами: «Чтобы удержать территории, необходимо развивать современную систему расселения, учитывая опыт прошлого и реалии новых вызовов» (Козлова, Макарова, 2020; Козлова, Соськова, 2018). Аналогичную мысль высказывает Г. В. Мазаев (2012. С. 9): «Нельзя удержать незаселенную территорию».

¹ Совещание по развитию ЗАТО и городов в Арктической зоне. 20 июля 2023 г., Мурманск. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71711>.

Сокращение сельских и небольших городских поселений имеет еще одну негативную тенденцию: пространственную неравномерность расселения, что ведет к «сжатию», сокращению осваиваемого пространства, и прежде всего на периферийных территориях всех видов. Таким образом, с «одной стороны, происходит концентрация населения в ограниченном числе ареалов, усиливающая поляризацию пространства (стягивание населения и хозяйственной деятельности в наиболее благоприятные для жизнедеятельности ареалы), с другой – сокращение ойкумены» (Вайнберг, 2013. С. 32).

Проблему слабой заселенности поднимает В. Н. Лексин (2011. С. 72): «Аномально высокую неравномерность, разреженность, очаговость расселения по территории России часто называют в числе главных угроз ее целостности. Однако дело не столько в разреженности, сколько в бедственном состоянии, в ощущении "доживания" множества поселений, но главное, в их крайне слабой (во многих случаях в отсутствующей) связности, не пешеходной или сезонной, а постоянной и современной, в способной обеспечивать продуктовые, хозяйственные и социальные связи».

Во многих работах отмечается разрыв в уровне жизни между городами и селами, а также между крупными и мелкими селами. К «гигантским разрывам по доходам добавляются различия в инфраструктурном обустройстве территорий». Отмечается, что «СССР поддерживал населенность севера и востока административными и финансовыми мерами. В наиболее жестких формах – массовым трудом заключенных, а позднее – набором специалистов на крупные индустриальные стройки, высокими зарплатами, льготами, особым снабжением» (Нефедова и др., 2022b. С. 291, 300).

Поднимается проблема сельской молодежи. Отток населения усиливала инфраструктурная и социальная отсталость деревень. Наиболее интенсивно теряют сельское население за счет миграции регионы Дальнего Востока, Восточной Сибири и Европейского Севера (Нефедова, Мкртчян, 2018. С. 86–87). Условно к миграционным потерям можно отнести «отходничество». Как и прежде, в конце XIX – начале XX в. отходники отправляются из периферийных районов в местные центры или столичные города. «Как и традиционное, современное отходничество чаще всего вынужденное: отходниками становятся не столько в погоне за длинным рублем, сколько в стремлении прокормить семью в условиях сжатия местных рынков труда или несоответствия имеющихся рабочих мест предпочтениям и навыкам населения» (Аверкиева, 2016. С. 25).

Проблемы воспроизводства (депопуляции) сельского населения рассмотрены во многих работах. Например, М. В. Москалев с соавторами депопуляцию сельского населения объясняют низким уровнем дохода, повышенной безработицей, слабым развитием инфраструктуры (Москалев и др., 2025. С. 14). К этим факторам добавлены: уровень экономического развития сельских территорий, миграционный отток сельских жителей, уровень использования информационно-телекоммуникационных технологий (Масалова, 2024. С. 250).

Подробный анализ сельской демографии можно найти в статье С. В. Митрофанова с коллегами. Они отмечают, что «ключевой проблемой современной сельской демографии стал феномен избирательной миграции, приобретающий характер самоподдерживающегося процесса. Основной миграционный поток формируется людьми репродуктивного возраста (18-35 лет), что приводит к системному нарушению демографического баланса» (Митрофанов и др., 2025. С. 46).

Мелкоселенность повышает затраты на строительство дорог, услуги транспорта и связи, образование, здравоохранение. Этим объясняется кампания по объединению муниципалитетов ради бюджетной экономии, негативно влияющая на сохранение освоенности территорий. Пониженная плотность сельского населения и его отрицательная динамика характерны для самых обжитых в прошлом земель нечерноземной России, особенно на периферии регионов (Нефедова и др., 2022a. С. 557).

В сельском расселении особое место занимают сельские населенные пункты «без населения». В научной литературе приводится их классификация. Первый тип назван

«сезонно обитаемые». Эти сельские населенные пункты (СНП) трудно отличить от постоянно обитаемых деревень. В них хорошо просматриваются дома, постройки вокруг, заборы и др. Второй тип СНП – так называемые «оставленные». В отличие от СНП предыдущего типа, данные пункты выглядят не столь хорошо сохранившимися. Вокруг домов часто отсутствуют заборы и хозяйственные постройки, также нельзя распознать обрабатываемые участки, дороги не так легко различимы. В число СНП третьего типа отнесены «исчезнувшие» пункты, то есть те, в которых не осталось построек или сохранилось небольшое их количество (1-2). При этом дороги, ведущие к таким СНП, пока просматриваются на снимках. Четвертый тип – «пустоши», где нет ни дорог, ни строений. На месте бывших деревень и хуторов здесь либо лес, либо поле (Румянцев и др., 2019. С. 29, 31, 33). Предлагается различать *реальное* число СНП – число пунктов с постоянным населением – и *номинальное* число СНП – общее число пунктов, входящих в список СНП определенной территории, включая без населения (Ткаченко, 2018. С. 16).

Проблемы депопуляции сельской местности, ее деградации и маргинализации характерны для многих стран и регионов, различных по численности и плотности населения, хозяйственному укладу и уровню развития экономики, истории и культурным традициям (Knight, 1994; Liu et al., 2010; Vaishar et al., 2021). Населенные пункты исчезали во все времена и по разным причинам. Урбанизация стала главной причиной современной поляризации сельского пространства, которая, в свою очередь, проявляется в интенсивном социально-экономическом развитии одних мест и в полном опустении – других. При этом в каждой стране есть свои примеры, практики и механизмы по оживлению сельских территорий. При описании имеющегося опыта по возвращению конкретных населенных пунктов «в строй» используется концепция «возрождающейся (оживающей) деревни» (reviving village) (Latocha et al., 2021). Описаны 14 кейсов из стран Северной Европы по формированию миграционной привлекательности сельских территорий (Kull et al., 2020).

В современной научной литературе много внимания уделяется таким факторам трансформации системы сельского расселения на Севере, как климат (Chi et al., 2024), этнический состав и размещение коренных народов (Berman, Wang-Cendejas, 2024), экономическая специализация и наличие крупномасштабной добычи природных ресурсов (Berman et al., 2020), социальная и транспортная инфраструктура (Bogdanova et al., 2022). Все вместе они изменяют облик Севера, способствуют перемещению населения и трудовых ресурсов преимущественно вверх по поселенческой иерархии – от малых населенных пунктов к более крупным.

Методы и данные. Источником данных послужили итоги восьми переписей населения СССР и России – с 1939 г. по 2021 г., а также материалы текущего статистического учета на начало 2025 г. Данные анализировались в региональном разрезе, по регионам Европейского и Азиатского Севера и по российскому Северу в целом. Рассматривались такие показатели, как численность сельского населения, число и людность сельских населенных пунктов, распределение сельских населенных пунктов по численности населения. Отдельно рассматривались населенные пункты без населения. При анализе показателей учитывались факторы, влияющие на демографическую динамику сельского населения. Для выявления пространственных закономерностей и региональной дифференциации изучаемых процессов применен сравнительно-географический метод.

Более детально были рассмотрены итоги двух последних переписей населения – за 2010 и 2021 гг. Они проанализированы на муниципальном уровне, в разрезе 294 округов и районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Рассчитаны средние и медианные показатели доли сельского населения в муниципальных образованиях, проанализирована динамика численности сельского населения по отдельным муниципальным образованиям. С помощью карт-схем выделены группы территорий, отличающиеся высокими показателями прироста и убыли сельского населения.

Результаты и их обсуждение. Сельское население. Проследить динамику сельского населения, в отличие от всего населения, довольно сложно и вот почему. Рост численности сельского населения в отдельные периоды времени «с большой долей вероятности связан с административно-территориальными преобразованиями городских населенных пунктов в сельские» (Мокренский, 2025. С. 83). Поэтому при общей тенденции сокращения / роста численности всего населения, сельское и городское могут демонстрировать разноплановую динамику.

По первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. сельское население составляло 57 579 тыс. чел. или 85,3 % от всего населения (67 473 тыс. чел.), по переписи населения 1926 г. число селян составляло – 76 280 тыс. чел. или 82,3 %. Начало индустриализации усилило отток сельских жителей в города, но и в 1939 г. сельское население составляло и абсолютное – 72 082 тыс. чел., и относительное большинство – 66,5 %, но уже к 1959 г. на селян приходилось менее половины населения – 47,6 %, то есть по прошествии 20 лет Россия перестала быть аграрной¹; в 1989 г. На сельских жителей приходилось – 26,6 % населения – таким образом Россия стала высоко урбанизированной страной (табл. 1).

Таблица 1 – Численность сельского населения по субъектам российского Севера, переписи населения 1939–2021 гг. и данные текущего учета на начало 2025 г., чел. *

Субъект	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2025 г.
Российская Федерация (тыс. чел.)	72 081,6	55 923,2	49 098,1	42 177,0	39 062,9	38 737,7	37 542,7	37 106,8	36 324,1
Российский Север	2 014 218	1 962 653	2 031 746	1 960 775	2 038 224	1 712 323	1 602 723	1 418 049	1 364 486
Европейский Север	1 327 475	1 189 806	1 161 829	999 266	964 814	837 240	704 764	553 563	520 505
Республика Карелия	318 563	235 428	222 935	162 850	146 654	178 886	141 331	109 441	103 457
Республика Коми	289 837	331 760	367 386	324 980	306 424	252 087	207 753	166 275	157 053
Архангельская обл.	673 261	586 532	480 546	409 251	418 120	336 948	298 653	231 742	215 346
Ненецкий АО	33 947	20 061	17 739	19 345	19 576	15 304	13 551	10 769	10 524
Мурманская обл.	45 814	36 086	90 962	102 185	93 616	69 319	57 027	46 105	45 649
Азиатский Север	686 743	772 847	869 917	961 509	1 073 410	875 083	897 959	864 486	843 981
Республика Саха (Якутия)	301 650	247 932	289 590	324 596	362 102	339 281	343 983	330 597	323 657
Республика Тыва	-	115 169	143 873	153 188	164 247	148 211	144 528	152 720	148 424
Камчатский край	75 902	80 238	68 626	65 820	87 463	67 990	72 929	64 625	62 249
Магаданская обл.	122 399	24 713	57 757	61 267	63 394	14 001	7 185	4 961	4 607
Сахалинская обл.	49 750	159 976	132 593	115 208	125 969	72 572	100 867	82 128	78 208
Ханты-Мансийский АО	85 786	86 628	100 532	123 464	116 057	130 893	130 814	136 127	135 218
Чукотский АО	18 180	17 644	31 216	40 058	44 948	17 955	17 792	15 101	14 493
Ямало-Ненецкий АО	33 076	40 547	45 730	77 908	109 230	84 180	79 861	78 227	77 125

* 1939–1979 гг. – наличное население, с 1989 г. – постоянное население.

Источник: составлено авторами.

Европейский Север (далее – ЕС) и Азиатский Север (далее – АС) демонстрировали разную динамику. С 1939 по 2025 г. ЕС потерял 806 970 чел. или 60,8 % от исходной численности. Численность сельского населения на АС увеличивалась до 1989 г., прирост составил 386 667 чел., затем последовала убыль сельского населения, с 1989 по 2025 г. сельское население уменьшилось на 229 429 чел. Каждый из 13 северных субъектов имел свою демографию. Республика Карелия все годы теряла сельское население;

¹ Население СССР. 1987: Стат. сборник. М.: Финансы и статистика, 1988. 439 с.

Республика Коми имела пик численности в 1970 г., Мурманская обл. – в 1979 г., Архангельская обл., Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО – в 1989 г.; республики Саха (Якутия) и Тыва, Камчатский край; Магаданская и Сахалинская обл.; Ханты-Мансийский АО имели по 2-3 пика. Наиболее значительные потери сельского населения имели (раз): Магаданская – 26,6 и Архангельская обл. – 3,1 (1939–2024 гг.), Чукотский АО – 3,1 (1989–2024 г.), Республика Коми – 2,3 (1970–2024 гг.), Мурманская обл. – 2,2 (1979–2024 гг.).

Сельское население муниципальных образований. Медианная численность сельского населения по 294 муниципальным образованиям Севера России в 2010–2021 гг. снизилась с 5769 до 4879 чел. или на 15,4 %. Численность сельского населения увеличилась всего в 50 муниципальных образованиях (17,0 % от общего числа). Больше всего их сосредоточено в Республике Тыва (15), Якутии (10) и Ханты-Мансийском АО (4). Еще в 41 муниципальном образовании (13,9 %) численность сельского населения не изменилась. Это некоторые городские и муниципальные округа с нулевым сельским населением. Снижение численности сельского населения зафиксировано в 203 муниципальных образованиях (69,0 % от общего числа). В 39 муниципалитетах оно умеренное и не превышает 10 %, в 85 – от 10 до 25 %, в 65 – от 25 до 50 %, в 14 – превышает 50 %. Из них пять расположены в Магаданской обл. (Тенькинский, Северо-Эвенский, Среднеканский, Омсукчанский, Ягоднинский муниципальные округа), три – в Республике Коми (муниципальный округ Воркута, Удорский и Княжпогостский районы). Карта-схема демонстрирует, что основные кластеры сокращающихся по численности сельского населения территорий сосредоточены в северной части Магаданской обл., центральной части Республики Коми, на границе Бурятии и Якутии. Чуть менее выраженная негативная динамика наблюдается на большей части Европейского Севера и на Дальнем Востоке, за исключением некоторых районов с преобладанием коренных народов Севера (рис. 1).

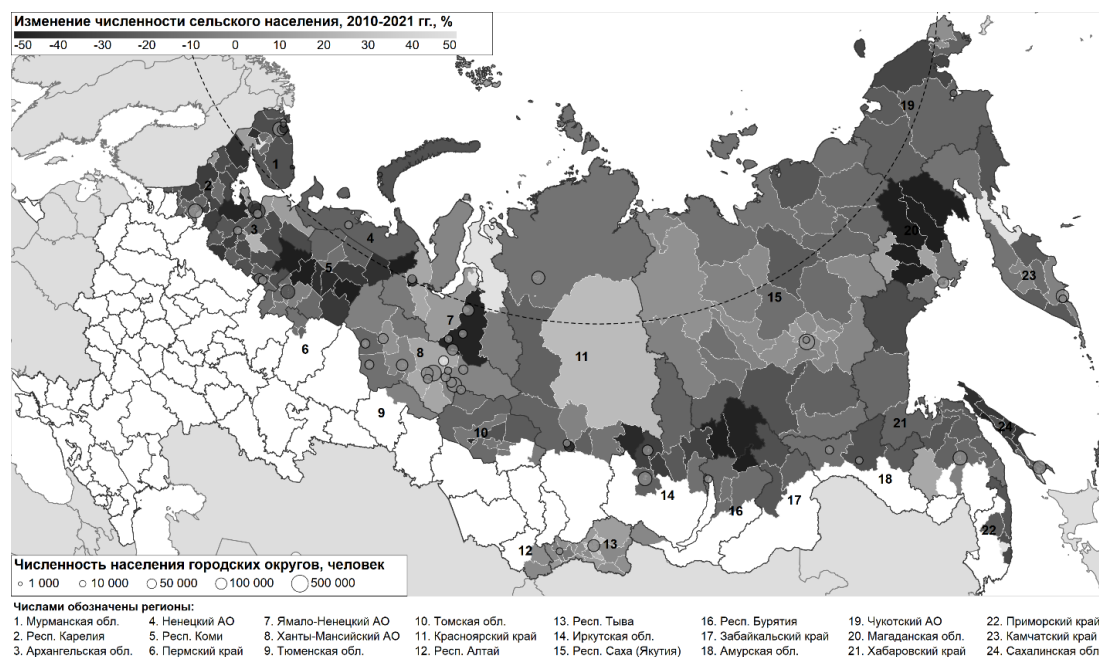

Рисунок 1 – Изменение численности сельского населения по муниципальным образованиям Севера России, 2010–2021 гг., %

Источник: составлено авторами

Муниципальные образования значительно варьируют как по численности, так и по доле сельского населения. Например, согласно переписи населения 2021 г., в Омсукчанском муниципальном округе Магаданской обл. проживает всего 3 сельских жителя, а в Богучанском муниципальном округе Красноярского края – 42 543. В 2010 г.

медианная доля сельского населения в муниципальном образовании составила 41,4 %, а в 2021 г. – 40,4 %. В 89 муниципальных образованиях проживает только сельское население. Больше всего таких округов и районов в республиках Саха и Тыва (по 13), Камчатском крае (10), Республике Коми, Архангельской и Томской обл. (по 8). Еще в 30 муниципальных образованиях доля сельского населения от 50 до 100 %. В 134 муниципальных образованиях (45,6 % от общего числа) преобладает городское население (рис. 2).

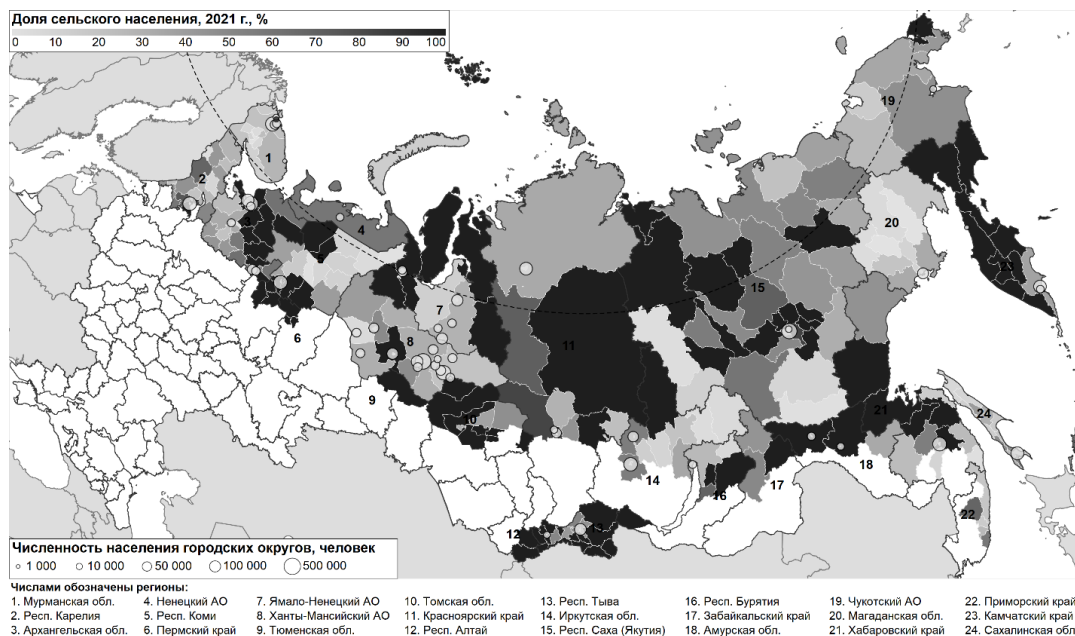

Рисунок 2 – Доля сельского населения
по муниципальным образованиям Севера России, 2021 г., %
Источник: составлено авторами

Сельские населенные пункты. Тенденции последних лет в сельском расселении достаточно полно охарактеризовали В. А. Ильин и Т. В. Ускова (2012. С. 9): «Происходит деградация структуры поселенческой сети, ее измельчание. В структуре поселений увеличивается количество мельчайших населенных пунктов (с числом жителей до 5 чел.). В то же время происходит концентрация населения в крупных (свыше 5 тыс. чел.) поселениях. Этот процесс носит устойчивый характер и связан в основном с вымиранием населения, оттоком из сельской местности молодежи и затуханием в селах производственной, а вместе с ней социальной и культурной деятельности. Следствием деградации территорий является выбытие земель из сельскохозяйственного оборота и потеря социально-экономического контроля за рядом исторически освоенных территорий. Все более усиливается разрыв по уровню развития между городами и сельскими территориями. Города поглощают население обширных сельских территорий, одновременно создавая вокруг себя мощные поля влияния на сельскую местность, способствуя концентрации в пригородных зонах сельскохозяйственного производства, направленного на удовлетворение собственных нужд. Поэтому там, где выше плотность городов и где они крупнее, шире ареалы относительного благополучия сельского хозяйства, а значит, и населения».

В структуре поселений безусловными лидерами являются сельские населенные пункты¹. В 1970 г. в России их насчитывалось 216 845, к 2021 г. их осталось – 153 157

¹ По состоянию на 1 января 2025 г. площадь земель, отнесенных к населенным пунктам, в целом по России составила 21 862,5 тыс. га; в том числе городских – 9041,3 тыс. га, сельских – 12 821,2 тыс. га. URL: <http://www.rosreestr.gov.ru>.

или 70,6 % от уровня 1970 г. Быстрее сокращалась сеть сельских поселений на Азиатском Севере – 45,6 % от уровня 1970 г., на Европейском Севере – 73,6 %. Доля сельских населенных пунктов на российском Севере от их числа в России варьировала от 4,9 % в 1970 г. до 4,5 % в 2021 г. В разрезе субъектов, если брать крайние даты (1970–2021), везде произошло сокращение СНП. В отдельных субъектах, например в Архангельской обл. и в Республике Карелия, были периоды увеличения числа СНП (табл. 2). В среднем на один СНП приходится 0,84 кв км.

Таблица 2 – Число сельских населенных пунктов по субъектам российского Севера, переписи населения 1970–2021 гг., ед.

Субъект	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.
Российская Федерация	216 845	181 420	162 231	155 289	153 124	153 157
Российский Север	10 588	8242	7699	7296	6950	6966
Европейский Север	7635	6092	5726	5596	5578	5618
Республика Карелия	1069	855	755	775	776	821
Республика Коми	1055	788	747	729	720	718
Архангельская обл.	5260	4255	4068	3957	3970	3970
Ненецкий АО	89	66	50	43	41	41
Мурманская обл.	251	194	156	135	112	109
Азиатский Север	2953	2150	1973	1700	1372	1 348
Республика Саха (Якутия)	1317	774	712	590	586	582
Республика Тыва	515	450	449	389	144	144
Камчатский край	106	84	79	83	82	81
Магаданская обл.	200	158	134	89	55	47
Сахалинская обл.	352	295	249	217	223	223
Ханты-Мансийский АО	260	198	174	173	165	154
Чукотский АО	97	82	73	57	38	38
Ямало-Ненецкий АО	106	109	103	102	79	79

Источники: составлено авторами по ¹.

В структуре сельских поселений особое место занимают – «сельские населенные пункты без населения». Во-первых, они отражают те процессы, которые происходят в сельском расселении, являются символом повсеместной сельской депопуляции. Во-вторых, абсурдность самого термина – это свидетельство несовершенства современной отечественной статистики, которая не может считаться достоверным источником информации о населении и расселении. Одним из препятствий для исключения СНП из официального перечня является наличие в них построек и земельных участков, то есть частной собственности.

Число СНП «без населения» во многом определяется политикой, проводимой местной администрацией, кому-то выгодно иметь большее количество СНП, кому-то – наоборот, они не представляют ценности, свободная земля не пользуется спросом. В целом по России число СНП «без населения» растет, в 2021 г. каждый шестой СНП был без населения. С 1979 по 2021 гг. их число выросло в России в 5,7 раза, на Европейском Севере – больше чем в 7,1 раза, на Азиатском Севере их увеличение не так существенно – в 1,5 раза.

¹ 1970 г. – Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года в 7-ми томах. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР; Том 1. М.: «Статистика», 1972. 176 с. С.146–161;

1979, 1989 г. – Сельские населенные пункты РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. ГОСКОМСТАТ РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. 367 с. С. 66–85, 360–363;

2002 г. – Численность и размещение населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 574 с. (Итоги Всероссийской переписи населения.: В 14 т. Федер. служба гос. статистики; Т.1;

2010 г. – ВПН-2010. Т. 1, табл. 7. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm;

2021 г. – ВПН-2021. Т. 1, табл. 11. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.

На российском Севере картину СНП «без населения» определяет Европейский Север, их доля составляет 25,0 %, против 8,8 % на Азиатском Севере. Среди субъектов выделяются (%): Архангельская – 29,3, Мурманская – 23,9 и Магаданская обл. – 21,3, Республика Карелия – 18,3. По переписи населения 2021 г., СНП «без населения» не было в Камчатском крае и Чукотском АО, зафиксирован их минимум в Ханты-Мансийском АО – 1,3 % (табл. 3).

Таблица 3 – Удельный вес сельских населенных пунктов без населения по субъектам российского Севера, переписи населения 1979–2021 гг., %

Субъект	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.
Российская Федерация	2,4	5,7	8,4	12,7	16,2
Российский Север	3,4	8,1	12,2	15,8	21,9
Европейский Север	3,2	9,0	12,3	18,1	25,0
Республика Карелия	6,9	11,5	12,1	14,0	18,3
Республика Коми	0,9	1,1	2,3	5,0	9,3
Архангельская обл.	3,0	10,1	13,8	21,4	29,3
Ненецкий АО	1,5	2,0	-	2,4	2,4
Мурманская обл.	2,1	6,4	21,5	12,5	23,9
Азиатский Север	3,7	5,6	11,8	6,4	8,8
Республика Саха (Якутия)	6,2	10,0	6,6	6,7	11,0
Республика Тыва	-	2,0	11,8	1,4	1,4
Камчатский край	4,8	0,0	12,0	1,2	-
Магаданская обл.	3,2	4,5	41,6	20,0	21,3
Сахалинская обл.	4,4	4,0	13,8	13,5	15,2
Ханты-Мансийский АО	0,5	2,3	2,3	1,8	1,3
Чукотский АО	4,9	9,6	28,1	-	-
Ямало-Ненецкий АО	4,6	3,9	18,6	2,5	8,9

* Короткое тире (-) – явление отсутствует.

Источники: составлено авторами по ¹.

Практический интерес представляет показатель «средняя людность сельских населенных пунктов». Наибольшей людностью отличаются села в регионах Северного Кавказа, где в среднем в одном селе, ауле живут более чем по 2000 жителей, наименьшей – Псковская обл. (21 чел.)². В России средняя людность сельских населенных пунктов с населением постоянно увеличивалась, с 1970 по 2021 гг. она увеличилась на 63 чел. За исключением 1979–1989 гг. средняя людность СНП в России была выше, чем на российском Севере. В целом по российскому и Европейскому Северу средняя людность сельских населенных пунктов с населением росла до 1989 г., а затем стала снижаться; Азиатский Север, наоборот, все годы демонстрировал рост, средняя людность с 1970 по 2021 гг. увеличилась в 2,4 раза. На Европейском Севере Республика Коми, Архангельская обл. и Ненецкий АО демонстрировали рост средней людности до 1989 г., а Республика Карелия и Мурманская обл. – до 2002 г., а затем последовало ее снижение.

¹ 1970 г. – Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года в 7-ми томах. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР; Том 1. М.: «Статистика», 1972. 176 с. С.146–161; 1979, 1989 г. – Сельские населенные пункты РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. ГОСКОМСТАТ РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. 367 с. С. 66–85, 360–363;

2002 г. – Численность и размещение населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 574 с. (Итоги Всероссийской переписи населения.: В 14 т. Федер. служба гос. статистики; Т.1;

2010 г. – ВПН-2010. Т. 1, табл. 7. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; 2021 г. – ВПН-2021. Т. 1, табл. 11. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.

² Основной причиной преобладания малых сельских населенных пунктов являются природные условия: в лесной зоне и в зоне деятельности ледников удобные для сельского хозяйства (а значит, и для размещения населения) сравнительно небольшие участки чередуются с болотами, озерами, холмами, лесами. Поэтому распространенным явлением стала деревня, состоящая из 3-5 дворов. В результате сформировался мелко-селенный тип расселения и небольшая людность сельских населенных пунктов.

На Азиатском Севере республики Саха (Якутия) и Тыва, Ханты-Мансийский АО имели постоянный рост плотности поселений, у остальных субъектов пик плотности населения пришелся на 1989 г. (табл. 4).

Таблица 4 – Средняя плотность сельских населенных пунктов с населением по субъектам российского Севера, переписи населения 1970–2021 гг., чел.*

Субъект	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.
Российская Федерация	226	240	255	272	281	289
Российский Север	192	249	288	267	274	261
Европейский Север	152	170	185	171	154	131
Республика Карелия	209	206	220	263	212	163
Республика Коми	348	415	415	354	304	255
Архангельская обл.	91	99	114	99	96	83
Ненецкий АО	199	297	400	356	339	269
Мурманская обл.	362	568	641	654	582	555
Азиатский Север	295	475	576	584	699	703
Республика Саха (Якутия)	220	454	565	616	629	638
Республика Тыва	279	345	373	432	1018	1075
Камчатский край	647	836	1107	931	900	798
Магаданская обл.	289	432	495	269	163	134
Сахалинская обл.	377	417	527	388	523	435
Ханты-Мансийский АО	387	633	683	775	807	896
Чукотский АО	322	559	681	438	468	397
Ямало-Ненецкий АО	431	757	1103	1014	1037	1086

* 1970 г. – наличное население, с 1979 г. – постоянное население.

Источники: составлено авторами по ¹.

Переписи населения 1970–2021 гг. показали, что в абсолютном выражении практически все типы населенных пунктов сократили свое количество, исключение составили СНП с числом жителей до 5 и свыше 5000 чел. Как видим, произошло «сползание» в две крайности – в мельчайшие и крупнейшие населенные пункты. В 2021 г. на сельские населенные пункты с числом жителей до 25 чел. приходилось 47,9 %, а с числом жителей до 50 чел. – 57,0 % (в 1970 г. – соответственно 35,6 и 51,5 %). На долю сельских населенных пунктов с числом жителей более 1 тысячи в 1970 г. приходилось 3,7 %, а в 2021 г. – 6,1 % (табл. 5).

Таблица 5 – Распределение сельских населенных пунктов российского Севера по численности населения, переписи населения 1970–2021 гг., ед.

Год	Всего с населением	сельские населенные пункты											
		с числом жителей											
		до 5	6 – 10	11 – 25	26 – 50	51 – 100	101 – 200	201 – 500	501 – 1000	1001 – 2000	2001 – 3000	3001 – 5000	свыше 5000
1970	10588	1046	924	1804	1685	1487	1209	1262	781	295	63	24	8
1979	7965	772	676	1257	1149	1058	825	1046	720	345	61	42	14

¹ 1970 г. – Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года в 7-ми томах. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР; Том 1. М.: «Статистика», 1972. 176 с. С.146–161;

1979, 1989 г. – Сельские населенные пункты РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. ГОСКОМСТАТ РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. 367 с. С. 66–85, 360–363;

2002 г. – Численность и размещение населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 574 с. (Итоги Всероссийской переписи населения.: В 14 т. Федер. служба гос. статистики; Т.1;

2010 г. – ВПН-2010. Т. 1, табл. 7. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm;

2021 г. – ВПН-2021. Т. 1, табл. 11. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.

Окончание таблицы 5

Год	Всего с населением	сельские населенные пункты											
		с числом жителей											
		до 5	6 – 10	11 – 25	26 – 50	51 – 100	101 – 200	201 – 500	501 – 1000	1001 – 2000	2001 – 3000	3001 – 5000	свыше 5000
1989	7073	1030	629	1168	787	704	655	899	674	385	77	38	27
2002	6408	1725		2888				818	573	273	104		27
2010	5855	1206	634	796	562	555	475	730	515	246	64	49	23
2021	5440	1249	581	771	493	490	414	684	422	213	57	40	26

Источники: составлено авторами по ¹.

Наряду с трансформацией сети СНП важно проанализировать распределение населения по пунктам с разной численностью жителей. Как показывают материалы переписей населения за 1970–2021 гг., произошел рост концентрации сельского населения в крупных пунктах, доля сельских жителей, проживающих в СНП людностью выше 1 тыс. чел., увеличилась с 34,0 до 54,4 %, из них в пунктах свыше 5 тыс. – с 2,5 до 14,0 % (табл. 6).

Таблица 6 – Распределение сельского населения российского Севера по сельским населенным пунктам с разной численностью жителей, переписи населения 1970–2021 гг., %

Год	Всего	сельские населенные пункты											
		с числом жителей											
		до 5	6 – 10	11 – 25	26 – 50	51 – 100	101 – 200	201 – 500	501 – 1000	1001 – 2000	2001 – 3000	3001 – 5000	свыше 5000
1970	100	0,2	0,4	1,5	3,0	5,2	8,4	20,2	27,1	19,7	7,4	4,4	2,5
1979	100	0,1	0,3	1,1	2,1	3,8	5,9	17,2	25,2	23,4	7,4	8,2	5,3
1989	100	0,1	0,2	1,0	1,4	2,5	4,7	14,7	23,3	26,0	9,2	7,0	9,9
2002	100	0,5		10,0				16,1	23,3	21,5	17,6		11,0
2010	100	0,2	0,3	0,8	1,3	2,5	4,3	15,4	22,4	20,9	9,7	11,6	10,6
2021	100	0,2	0,3	0,9	1,3	2,5	4,1	15,8	20,5	20,4	9,5	10,5	14,0

Источники: составлено авторами.

Распределение населения по пунктам разной людности имеет непосредственное отношение к демографическим процессам, так было выявлено, что «в сельских поселениях уровень рождаемости выше в поселениях с меньшим числом жителей. Уровень смертности напрямую зависит от людности поселений, чем меньше численность, тем выше уровень смертности» (Фаузер, Смирнов, 2025. С. 1134).

Выводы. Для России, имеющей границы с 18 странами, из которых 16 проходят по суше и две – по морю (Япония и США), важное значение имеет наличие населенных

¹ 1970 г. – Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года в 7-ми томах. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР; Том 1. М.: «Статистика», 1972. 176 с. С.146–161;

1979, 1989 г. – Сельские населенные пункты РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. ГОСКОМСТАТ РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. 367 с. С. 66–85, 124–323, 360–363;

2002 г. – Численность и размещение населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 574 с. (Итоги Всероссийской переписи населения.: В 14 т. Федер. служба гос. статистики. Т.1. С. 348–359.

2010 г. – ВПН-2010. Т. 1, табл. 7. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm;

2021 г. – ВПН-2021. Т. 1, табл. 11. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.

пунктов в приграничных территориях, достаточные численность и плотность населения. Слабая заселенность и отсутствие поселений является «основанием» для притязания соседних или густозаселенных стран претендовать на свободные земли. Мировая история колонизации показывает, что основной ее целью являлось получение права на богатства и землю, при мирной колонизации учитывались интересы аборигенного населения, при военном захвате, местное население либо уничтожалось, либо вытеснялось на не удобные земли (резервации).

Для удержания северных и арктических территорий важно сохранить в них существующую сеть поселений, включающую сельские населенные пункты и поселки городского типа. Проблема в их сохранении заключается в том, что они изначально закладывались как временные. По этому поводу можно привести высказывание Т. Е. Кузнецовой (2010. С. 99): «Развитие социальной сферы существенно отставало, осуществлялось оно "быстро и небрежно". Огромный пространственный потенциал практически не учитывался, использовались те ресурсы, которые можно было продать без глубокой переработки». Если в период освоения население мирилось с неудобствами и неразвитостью социальной инфраструктуры, то сегодня идет голосование «ногами», население, а особенно молодежь просто покидает неперспективные поселения.

Несмотря на удорожающие факторы жизнедеятельности человека на Севере и в Арктике необходима новая парадигма по их развитию. Север и Арктику необходимо сделать плацдармом инновационного развития. Большие площади – не фактор удорожания и бездорожья, а территориальный ресурс для будущих поколений, лишь немногие страны могут земельный и водный ресурс записать себе в актив.

Сельское население большинства регионов российского Севера, начиная с 1989 г. постоянно уменьшалось, общая убыль составила 673 738 чел. Также можно отметить, что после 2021 г. сокращение сельского населения замедлилось, видимо достигнув своего «дна».

В доиндустриальную эпоху сельское население было преобладающим, по переписи населения 1939 г. оно составляло 64,5 %. С началом освоения месторождений угля, нефти и газа, других ценных полезных ископаемых и лесных ресурсов Север и Арктика стали городскими, на жителей сельских территорий приходилось в 2025 г. – 18,3 %.

В сельском расселении наметилась негативная тенденция – рост числа сельских населенных пунктов «без населения», особенно много их на Европейском Севере (25,0 %). Лидерами среди северных субъектов являются Архангельская – 29,3 %, Мурманская – 23,9 % и Магаданская обл. – 21,3 %.

Также можно отметить, что если по России средняя людность сельских населенных пунктов постоянно росла (1970 г. – 226 чел., 2021 г. – 289 чел.), то на российском Севере она с 1970 по 1989 гг. увеличилась с 192 до 288, затем к 2021 г. снизилась до 261 чел. Наибольшую людность имеют СНП, расположенные на Азиатском Севере: Ямало-Ненецкий АО – 1086, Республика Тыва – 1075, Ханты-Мансийский АО – 896, Камчатский край – 798 чел. На Европейском Севере самые большие СНП с населением расположены в Мурманской обл. – 555 чел. К тенденциям последних десятилетий можно отнести то, что в структуре поселений увеличивается количество мельчайших населенных пунктов с числом жителей до 10 чел. – с 18,6 % в 1970 г. до 33,7 % в 2021 г. В то же время происходит концентрация населения в крупных поселениях (свыше 5 тыс. чел.) с 2,5 % до 14,0 %.

Список использованных источников

- Аверкиева К. В. (2016). Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья. *Известия РАН. Серия географическая*. № 1. С. 25–37. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-1-25-37>
- Вайнберг Э. И. (2013). Пространство, расселение и модернизация экономики России. *Федерализм*. № 1. С. 25–38. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2013-1-25-38>

- Зубаревич Н. В. (2013). Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности. *Известия РАН. Серия географическая*. № 3. С. 26–38. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2013-3-26-38>
- Ильин В. А., Ускова Т. В. (2012). Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации. *Федерализм*. № 3 (67). С. 7–18. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2012-3-7-18>
- Козлова О. А., Макарова М. Н. (2020). Оценка адаптации населения к изменениям условий жизнедеятельности с позиции конвергенции региональных систем расселения. *Экономика региона*. № 16 (1). С. 84–96. <https://doi.org/10.17059/2020-1-7>
- Козлова О. А., Соськова О. Н. (2018). Факторы пространственной дифференциации городского расселения промышленных регионов Урала и Зауралья. *Ars Administrandi (Искусство управления)*. Том 10, № 1. С. 64–79. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-1-64-79>
- Кузнецова Т. Е. (2010). Российское пространство и проблемы его организации. *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 1. С. 98–113
- Лексин В. Н. (2011). Настоящее и будущее системы расселения – главная проблема России. *Федерализм*. № 1 (61). С. 57–74. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2011-1-57-74>
- Мазаев Г. В. (2012). Дилемма развития системы расселения России. *Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН*. № 3. С. 7–9.
- Масалова Ю. А. (2024). Демографические проблемы и стратегия устойчивого развития сельских территорий. *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. С. 249–258. <https://doi.org/10.17059/udf-2024-2-9>
- Митрофанов С. В., Янбых Р. Г., Орлова Н. В., Николаев Д. В. (2025). Демографические вызовы развитию сельских территорий и кадровое обеспечение АПК. *Крестьяноведение*. Том 10. № 3. С. 38–67.
- Мокренский Д. Н. (2025). Тенденции демографического развития сельского населения регионов ЦФО за межпереписной период 2010-2020 годов. *Народонаселение*. Т. 28, № 4. С. 80–92. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-4-80-92>
- Москалев М. В., Аверьянова В. Ф., Москалев С. М. (2025). Демографическая ситуация в сельской местности: тенденции и факторы динамики. *Журнал правовых и экономических исследований*. № 3. С. 13–20. <https://doi.org/10.26163/GIEF.2025.94.84.002>
- Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. (2018). Региональные различия размещения и прогноза трудовых ресурсов сельского хозяйства России. *Проблемы прогнозирования*. № 1. С. 85–98.
- Нефедова Т. Г., Стрелецкий В. Н., Трейвиш А. И. (2022). Поляризация социально-экономического пространства современной России: причины, направления и последствия. *Вестник Российской академии наук*. Том 92, № 6. С. 551–563. <https://doi.org/10.31857/S0869587322060093>
- Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И., Шелудков А. В. (2022). Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития. *Известия РАН. Серия географическая*. Том 86, № 3. С. 289–309. <https://doi.org/10.31857/S2587556622030128>
- Панов Л. К. и др. (1973). *Прогнозы расселения и планировки новых городов Крайнего Севера*. Ленинград: Стройиздат (Ленинградское отделение). 200 с.
- Румянцев И. Н., Смирнова А. А., Ткаченко А. А. (2019). Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. № 1. С. 29–37.
- Рыбаковский Л. Л. (2015). Депопуляция и ее этнические аспекты в России. *Социологические исследования*. № 4. С. 18–28.
- Ткаченко А. А. (2018). О реальном и номинальном количестве сельских населенных пунктов в современной России и ее регионах. *Известия Русского географического общества*. Т. 150. Вып. 2. С. 15–24.
- Топилин А. В. (2013). Миграция и пространственное экономическое развитие страны. *Экономист*. № 5. С. 51–60.
- Фаузер В. В., Смирнов А. В. (2018). Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям. *ЭКО*. № 7. С. 112–130. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-7-112-130>
- Фаузер В. В., Смирнов А. В. (2025). Дифференциация демографических процессов на российском Севере по типам поселений. *Экономика региона*. Т. 21, № 4. С. 1122–1138. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-4-14>

- Berman M., Loeffler R., Schmidt J. I. (2020). Long-term benefits to Indigenous communities of extractive industry partnerships: Evaluating the Red Dog Mine. *Resources Policy*. Vol. 66. Art. 101609. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101609>
- Berman M., Wang-Cendejas R. (2024). Rural–urban migration of Alaska Indigenous peoples: changing patterns and drivers. *The Annals of Regional Science*. Vol. 73. P. 1865–1883. <https://doi.org/10.1007/s00168-024-01298-7>
- Bogdanova E., Filant K., Sukhova E., Zabolotnikova M., Filant P., Raheem D., Shaduyko O., Andronov S., Lobanov A. (2022). The Impact of Environmental and Anthropogenic Factors on the Migration of the Rural Arctic Population of Western Siberia. *Sustainability*. Vol. 14. No. 12. Art. 7436. <https://doi.org/10.3390/su14127436>
- Chi G., Zhou S., Mucioki M., Miller J., Korkut E., Howe L., Yin J., Holen D., Randell H., Akyildiz A., Halvorsen K. E., L. Fowler, Ford J., Tickamyer A. (2024). Climate impacts on migration in the Arctic North America: existing evidence and research recommendations. *Regional Environmental Change*. Vol. 24. No. 2. Art. 47. <https://doi.org/10.1007/s10113-024-02212-9>
- Knight J. (1994). Rural Revitalization in Japan: Spirit of the Village and Taste of the Country. *Asian Survey*. Vol. 34. No. 7. P. 634–646.
- Kull M., Refsgaard K., Sigurjónsdóttir H. R., Bogason Á., Wøien Meijer M., Sánchez Gassen N., Turunen E. (2020). *Attractive Rural Municipalities in the Nordic countries: Jobs, People and Reasons for Success from 14 Case Studies*. Stockholm: Nordregio. 240 p. <https://doi.org/10.6027/R2020:1.1403-2503>
- Latocha A., Szmytkie R., Sikorski D., Tomczak P., Kajdanek K., Miodonska P. (2021). Reviving villages – a proposal for a concept and identification. A methodological approach. *Geographia Polonica*. Vol. 94 (1). P. 5–27. <https://doi.org/10.7163/GPol.0191>
- Liu Y., Liu Y., Chen Y., Long H. (2010). The process and driving forces of rural hollowing in China under rapid urbanization. *Journal of Geographical Sciences*. Vol. 20 (6). P. 876–888. <https://doi.org/10.1007/s11442-010-0817-2>
- Vaishar A., Vavrouchová H., Lešková A., Peřinková V. (2021). Depopulation and Extinction of Villages in Moravia and the Czech Part of Silesia since World War II. *Land*. Vol. 10 (4). Art. 333. <https://doi.org/10.3390/land10040333>

References

- Averkieva K. V. (2016). Labor Markets and Role of “Otkhodnichestvo” in the Employment of Rural Residents of Non-Chernozem Zone of Russia. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 1, 25–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-1-25-37>
- Berman M., Loeffler R., Schmidt J. I. (2020). Long-term benefits to Indigenous communities of extractive industry partnerships: Evaluating the Red Dog Mine. *Resources Policy*. 66, 101609. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101609>
- Berman M., Wang-Cendejas R. (2024). Rural–urban migration of Alaska Indigenous peoples: changing patterns and drivers. *The Annals of Regional Science*. 73, 1865–1883. <https://doi.org/10.1007/s00168-024-01298-7>
- Bogdanova E., Filant K., Sukhova E., Zabolotnikova M., Filant P., Raheem D., Shaduyko O., Andronov S., Lobanov A. (2022). The Impact of Environmental and Anthropogenic Factors on the Migration of the Rural Arctic Population of Western Siberia. *Sustainability*. 14 (12), 7436. <https://doi.org/10.3390/su14127436>
- Chi G., Zhou S., Mucioki M., Miller J., Korkut E., Howe L., Yin J., Holen D., Randell H., Akyildiz A., Halvorsen K. E., L. Fowler, Ford J., Tickamyer A. (2024). Climate impacts on migration in the Arctic North America: existing evidence and research recommendations. *Regional Environmental Change*. 24 (2), 47. <https://doi.org/10.1007/s10113-024-02212-9>
- Fauzer V. V., Smirnov A. V. (2018). The Russian Arctic: From Ostrogs to Urban Agglomerations. *ECO*. 7, 112–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-7-112-130>
- Fauzer V. V., Smirnov A. V. (2025). Demographic Patterns Across Settlement Types in the Russian North. *Economy of regions*. 21 (4), 1122–1138. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-4-14>
- Ilyin V. A., Uskova T. V. (2012). Methods of overcoming the spatial socio-economic differentiation. *Federalism*. 3, 7–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2012-3-7-18>
- Knight J. (1994). Rural Revitalization in Japan: Spirit of the Village and Taste of the Country. *Asian Survey*. 34 (7), 634–646.

- Kozlova O. A., Makarova M. N. (2020). Assessment of Population's Adaptation to the Changing Living Conditions in Terms of Convergence of the Regional Settlement Systems. *Economy of regions*. 16(1), 84–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/2020-1-7>
- Kozlova O. A., Soskova O. N. (2018). Spatial Differentiation Factors of Urban Population Density in the Industrial Regions of Urals and Trans-Urals. *Ars Administrandi*. 10 (1). 64–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-1-64-79>
- Kull M., Refsgaard K., Sigurjónsdóttir H. R., Bogason Á., Wøien Meijer M., Sánchez Gassen N., Turunen E. (2020). *Attractive Rural Municipalities in the Nordic countries: Jobs, People and Reasons for Success from 14 Case Studies*. Stockholm: Nordregio. 240 p. <https://doi.org/10.6027/R2020.1.1403-2503>
- Kuznetsova T. E. (2010). Russian space and problems of its organization. *Public Administration Issues*. 1, 98–113. (In Russ.).
- Latocha A., Szmytkie R., Sikorski D., Tomczak P., Kajdanek K., Miodonska P. (2021). Reviving villages – a proposal for a concept and identification. A methodological approach. *Geographia Polonica*. 94(1), 5–27. <https://doi.org/10.7163/GPol.0191>
- Leksin V. N. (2011). The present and the future of the settlement system – the major problem of Russia. *Federalism*. 1, 57–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2011-1-57-74>
- Liu Y., Liu Y., Chen Y., Long H. (2010). The process and driving forces of rural hollowing in China under rapid urbanization. *Journal of Geographical Sciences*. 20(6), 876–888. <https://doi.org/10.1007/s11442-010-0817-2>
- Masalova Yu. A. (2024). Demographic Problems and Strategy for Sustainable Development of Rural Areas. *Sustainability of demographic development: determinants and resources*. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS. 249–258. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-9>
- Mazaev G. V. (2012). The Dilemma of Russia Settlement System. *Academic bulletin URALNIIPROEKT RAASN*. 3, 7–9. (In Russ.).
- Mitrofanov S. V., Yanbykh R. G., Orlova N. V., Nikolaev D. V. (2025). Demographic challenges for Russian rural areas and their impact on staffing of agriculture. *Russian Peasant Studies*. 10(3), 38–67. (In Russ.).
- Mokrensky D. N. (2025). Trends in the rural population demographic development of the Central Federal District regions over the 2010–2020 inter-census period. *Population*. 28(4), 80–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-4-80-92>
- Moskalev M. V., Averyanova V. F., Moskalev S. M. (2025). Demographic situation in rural areas: trends and factors of dynamics. *Journal of Legal and Economic Studies*. 3, 13–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.26163/GIEF.2025.94.84.002>
- Nefedova T. G., Mkrtchyan N. V. (2018). Regional differences of placing and forecasting labor resources of Russian agriculture. *Studies on Russian Economic Development*. 29(1), 62–71. <https://doi.org/10.1010.1134/S1075700718010100>
- Nefedova T. G., Streletsky V. N., Treivish A. I. (2022). Polarization of the socio-economic space of modern Russia: causes, directions, and consequences. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 92 (6), 551–563. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0869587322060093>
- Nefedova T. G., Treivish A. I., Sheludkov A. V. (2022). A Multi-Scale Approach to Identifying Spatial Inequality in Russia as Incentive and Obstacle in Development. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 86(3), 289–309. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S2587556622030128>
- Panov L. K. et al. (1973). *Forecasts of settlement and planning of new cities in the Far North*. Leningrad: Stroyizdat.
- Rumyanchev I. N., Smirnova A. A., Tkachenko A. A. (2019). Rural Settlements «Without Population» as a Geographical and Statistical Phenomenon. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 1, 29–37. (In Russ.).
- Rybakovskiy L. L. (2015). Depopulation and its ethnical aspects in Russia. *Sociological Studies*. 4, 18–28. (In Russ.).
- Tkachenko A. A. (2018). About the real and the nominal quantity of rural settlements in modern Russia and its regions. *Proceedings of the Russian Geographical Society*. 150(2), 15–24. (In Russ.).
- Topilin A. V. (2013). Migration and spatial economic development of the country. *Economist*. 5, 51–60. (In Russ.).
- Vainberg E. I. (2013). Space, settling and the modernization of the economy of Russia. *Federalism*. 1, 25–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2013-1-25-38>

- Vaishar A., Vavrouchová H., Lešková A., Peřínková V. (2021). Depopulation and Extinction of Villages in Moravia and the Czech Part of Silesia since World War II. *Land*. 10(4), 333. <https://doi.org/10.3390/land10040333>
- Zubarevich N. V. (2013). Transformation of Rural Settlement Pattern and Service Network in Rural Areas. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 3, 26–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2013-3-26-38>

Статья поступила 03.03.2026, прошла рецензирование 15.04.2026, принята 05.05.2026.

Received: Mar 03, 2026, reviewed: Apr 15, 2026, accepted: May 5, 2026.

Авторство и вклад в научное исследование

В. В. Фаузер: разработка концепции, теоретический обзор, обобщение результатов, написание рукописи.

А. В. Смирнов: анализ статистики на муниципальном уровне, создание карт, написание рукописи.

Г. Н. Фаузер: анализ статистики на региональном уровне, написание рукописи.

Author contributions

V. V. Fauzer: concept development, theoretical review, results summary, writing – original draft.

A. V. Smirnov: municipal-level statistical analysis, map creation, writing – original draft.

G. N. Fauzer: regional-level statistical analysis, writing – original draft.

Информация об авторах

Фаузер Виктор Вильгельмович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 167982, ул. Коммунистическая, 26, г. Сыктывкар, Республика Коми, Россия, fauzer.viktor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817>

Смирнов Андрей Владимирович – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 167982, ул. Коммунистическая, 26, г. Сыктывкар, Республика Коми, Россия, av.smirnov.ru@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6952-6834>

Фаузер Галина Николаевна – научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 167982, ул. Коммунистическая, 26, г. Сыктывкар, Республика Коми, Россия, gfauser@iespn.komisc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1616-8102>

Information about the authors

Viktor V. Fauzer – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of demography and social management, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center “Komi Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”, 167982, Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, Komi Republic, Russia, fauzer.viktor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817>

Andrey V. Smirnov – Candidate of Economic Sciences, Head of the Laboratory of demographic and social management, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS”, 167982, Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, Komi Republic, Russia, av.smirnov.ru@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6952-6834>

Galina N. Fauzer – Researcher of the Laboratory of demographic and social management, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS”, 167982, Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, Komi Republic, Russia, gfauser@iespn.komisc.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1616-8102>